

Глава 29. Сбор урожая и долгожданная встреча

День выдался ясный, с тёплым, ласковым ветерком — идеальная погода для сбора урожая.

Птенцы, узнав накануне о предстоящем событии, пришли в неописуемый восторг. Вечером Тао Цю пришлось рассказать несколько сказок на ночь, чтобы хоть как-то их уговорить. А на следующее утро, когда сам Тао Цю ещё нежился в объятиях сна, сработал его персональный «птичий будильник».

Громче всех заливалась вторая птенчишка:

— Цю-цю! Цю-цю-цю!

— Папа, просыпайся! Ранней пташке — спелые ягодки!

Тао Цю, не открывая глаз, лишь глубже зарылся в свои крылья и пробормотал:

— Пять минут, ещё всего пять минуточек.

— Цю, — пропищала вторая птенчишка.

— Хорошо.

Спустя примерно пять минут птенчишка снова принялась за своё, на этот раз с утроенной настойчивостью.

— Цю-цю! Цю-цю! Цю-цю!

— Подъём! Завтрак! На работу!

Тао Цю безвольно раскинулся на подстилке и уставился в потолок пещеры с выражением вселенской скорби на лице.

Повозившись ещё несколько минут, он всё-таки заставил себя подняться.

Пока вторая птенчишка исполняла роль будильника, старший уже принёс отцу воды для умывания, а третья — бросила несколько ягод в бамбуковое ведёрко, чтобы помыть. Трое птенцов действовали так слаженно, что рядом с ними Тао Цю выглядел как непутёвый папаша, живущий за счёт своих детей.

Он плеснул водой в лицо, прогоняя остатки сна и лени, быстро нарезал мясо, и они все вместе позавтракали.

После еды Тао Цю взял две сплетённые им ивовые корзины, усадил туда птенцов и направился в долину. Эти корзины предназначались для переноски собранных овощей и фруктов.

Первым делом они подошли к грушевому дереву.

Груша, выращенная Тао Цю, плодоносила куда обильнее материнского дерева. Навскидку на ней висело не меньше дюжины плодов — все крупные, наливные, хоть иссиня-чёрный цвет и сбивал с толку. Воздух был напоён сладким ароматом спелых груш, и птенцы, вдыхая его, невольно сглатывали слюнки.

Накануне Тао Цю уже сорвал одну грушу на пробу. Мякоть оказалась белоснежной, хрустящей и невероятно сочной, с приятной сладостью, оставляющей долгое послевкусие. Прежние груши вызывали опьянение, но после воздействия его способности «содержание алкоголя» в них значительно снизилось. Теперь это было больше похоже на ароматный напиток с лёгким винным привкусом — вкусно, но не пьянит. Даже птенцы, съев по кусочку, не опьянели, хотя и почувствовали лёгкую, приятную зависимость. Впрочем, этот маленький недостаток был несущественным.

Вторая птенчишка, сглотив слюну, нетерпеливо прочирикала:

— Цю-цю, цю-цю-цю, цю-цю-цю, цю-цю!

— Ты вчера обещал! Мы будем срывать сверху, а ты — ловить внизу! Давай начинать!

Видя, как птенцам не терпится приступить к делу, так, что они, кажется, вот-вот научатся летать, чтобы самим добраться до плодов, Тао Цю не стал медлить. Он рассадил их на ветках с разных сторон дерева.

Клювы птенцов были очень острыми, а во рту у них имелись маленькие, похожие на шипы, зубки — этого было достаточно, чтобы перекусить плодоножку.

Едва устроившись на ветках, они тут же принялись за работу.

— Цю!

— Папа, лови! — крикнула вторая птенчишка, перекусив черешок и отбросив грушу в сторону, чтобы та, падая, не ударилась о ветки и не испортилась.

Для постороннего наблюдателя груша стремительно летела вниз, но для Тао Цю время словно

замедлилось. Его реакция не уступала его зрению. Едва птенец подал голос, он уже рассчитал траекторию и подставил руки.

Раздался тихий шлепок — груша мягко опустилась ему в ладони.

— Цю! — радостно воскликнул третий птенец. — Папа молодец!

— А то, — с напускной важностью ответил Тао Цю.

— Цю!

— Груша летит! — вовремя прервал самолюбование отца старший птенец.

Тао Цю с лёгкостью поймал и его грушу, после чего положил обе в корзину, высланную сухой травой.

Третий птенец, видя это, перестал глазеть по сторонам и тоже присоединился к сбору урожая.

Сначала птенцы работали по очереди: один бросал, Тао Цю ловил, и только потом бросал следующий. Но вскоре они поняли, что так дело движется слишком медленно, и это пустая трата времени как для них, так и для отца. Они начали ускоряться и в конце концов стали сбрасывать груши почти одновременно.

Но даже при этом Тао Цю не только ловил каждую грушу, но и умудрялся аккуратно опускать их в корзину.

Между отцом и птенцами завязалось негласное состязание. Птенцы хотели увидеть, наступит ли момент, когда отец не сможет поймать грушу или хотя бы начнёт суетиться. Поэтому все трое, побряхтывая от усердия, работали изо всех сил, мечтая откусить сразу три плодоножки за раз.

Тао Цю видел их азарт и, как подобает заботливому отцу, подыграл им, приложив лишь малую толику своих сил.

Но птенцы выдохлись и едва не свалились с веток от усталости, а Тао Цю по-прежнему выглядел расслабленным и безмятежным, на его лице не выступило ни единой капельки пота.

Что и говорить, опыт брал своё.

Птенцам пришлось признать поражение.

Когда они обобрали одно дерево, корзина, толщиной с Тао Цю в объёме, была уже почти полной. Груши были крупными, и хотя их количество уступало деревьям до катаклизма, одна такая груша стоила трёх обычных, так что по общему весу урожай был сопоставим.

Тао Цю поспешил снять детей с дерева, чтобы они отдохнули. Он помыл одну грушу, разрезал её и раздал птенцам. Хрустящая сладкая мякоть мгновенно сняла усталость. Птенцы, склонив головы, увлечённо клевали лакомство, и их глазки заблестели.

Тао Цю, тоже откусывая от своего куска, сказал:

— На следующем дереве можете не торопиться. Времени у нас много, спешить некуда.

Птенцы подумали, что отец не разгадал их замысел, а так как они проиграли, им было неловко признаваться. Поэтому они лишь глупо захихикали и прочирикали, что во всём слушают папу.

Глядя на их наивные мордашки, Тао Цю несколько раз незаметно отвернулся, чтобы скрыть улыбку.

Отдохнув, они продолжили работу.

На этот раз, помня наставление отца и потратив немало сил, птенцы вели себя гораздо сдержаннее, даже почти не разговаривали. Скорость сбора замедлилась, но, как и сказал Тао Цю, времени у них было в избытке, так что никто не переживал.

Маленькие птенцы могли пробираться между ветками, гарантируя, что ни одна груша не ускользнёт от их клювов.

В итоге они собрали две большие корзины груш.

Птенцы были ещё слабы и не умели летать, поэтому Тао Цю оставил их играть внизу, а сам принялся таскать груши в пещеру.

В углу пещеры был насыпан слой гравия, а поверх него — сухие дрова. Мутировавшие деревья в лесу были очень толстыми, высокими и твёрдыми. Имеющимися у Тао Цю инструментами срубить и распилить их было почти невозможно, поэтому вместо досок он использовал сучья. А на этих «досках» стояла ещё одна корзина, больше тех, что были у него в руках. Она была сплетена грубо, без изысков, но очень прочно. Тао Цю использовал её для хранения, а не на продажу, поэтому о красоте не заботился.

Две корзины груш поместились в эту большую с горкой.

Вернувшись с пустыми корзинами и маленьким лукошком, он с птенцами продолжил сбор.

Следующими на очереди были томаты и дикие ягоды.

С тех пор как у Тао Цю появились редька и груши, он стал сажать меньше диких ягод и томатов. Количество томатов осталось прежним, а вот ягод он посадил вдвое меньше.

Ягоды были мелкими, и птенцам было удобнее собирать их своими острыми клювиками. Тао Цю отдал им лукошко, а сам занялся томатами.

Когда у него появилось больше культур для выращивания, Тао Цю заметил, что его способность по-разному «очищает» каждое растение.

Например, дикие ягоды и томаты становились вкуснее, но их размер и урожайность почти не менялись — разве что становились чуть крупнее, а на кусте появлялось на две-три ягодки больше, что было почти незаметно.

У груши размер не изменился, но увеличилось количество плодов, улучшился вкус и эффект.

Редька изменилась сильнее всего: из несъедобной она стала вкусной, увеличилась в размере, а перезрев, перестала взрываться.

Некоторые из этих изменений соответствовали его желаниям, другие происходили сами по себе. Он не знал, сможет ли в будущем, по мере развития своей способности, полностью контролировать направление «очищения», но даже если и сможет, то случится это очень не скоро.

С тех пор как он обнаружил у себя эту особую способность, он пользовался ею почти каждый день, но за несколько месяцев она почти не развилась. Примерно с уровня 1 до уровня 10. Но каков её предел — сто, тысяча, миллион или больше — оставалось для него загадкой.

Ягод было немного, и птенцы, собрав их, едва наполнили лукошко. Томатов, которые он уже собирал раньше, тоже осталось немного, всего полкорзины.

На этот раз, относя урожай в пещеру, Тао Цю забрал с собой и птенцов.

Они трудились всё утро, и пришло время обеда.

После физической работы аппетит у птенцов разыгрался не на шутку. Тао Цю не ограничивал их, позволив наестся до отвала, а потом по очереди гладил им животики, чтобы помочь пищеварению.

Сытые и довольные, птенцы быстро задремали на руках у отца. Перед сном они строго-настрого наказали ему разбудить их, чтобы он не пошёл работать один.

Тао Цю с улыбкой пообещал, и когда они уснули, сам тоже прикорнул на полчаса.

После обеда пришла очередь редьки, и это была в основном его работа. Корнеплоды были слишком большими и глубоко сидели в земле, птенцам было их не вытащить. Они знали это, поэтому накануне и договорились, что возьмут на себя сбор груш.

Тао Цю вытащил редьку, отряхнул землю и прикинул размер. Верхняя часть корнеплода оказалась толще, чем обхват его ладоней, а в длину он был почти с его ногу. Разломив одну, он увидел, что внутри она не была пустой, а оставалась сочной и хрустящей.

Ботву Тао Цю пробовал — она была съедобной, но не продлевала жизнь. Подумав, он решил её не отрывать, может, пригодится для разнообразия.

Редька была такой большой, что в одну корзину помещалось всего несколько штук, поэтому Тао Цю приходилось тратить больше времени на переноску.

Пока он относил одну корзину в пещеру, птенцы загружали следующую. Хоть им и приходилось втроём, прилагая невероятные усилия, кое-как запихивать редьку в корзину, и их производительность была в разы ниже, чем у отца, они хотели помочь, и Тао Цю не стал им отказывать, позволяя возиться в своё удовольствие.

Редьки было много, и она занимала много места. Каждый раз, принося новую партию, Тао Цю аккуратно складывал её, чтобы сэкономить пространство и было удобнее брать.

Так, проработав весь день, он убрал в пещеру всю редьку, оставив лишь несколько штук на семена.

Испачканные в земле птенцы вернулись в пещеру и, задрав головы, смотрели на гору редьки. В их глазах читалась радость и удовлетворение старого фермера, любующегося богатым урожаем.

Вторая птенчишка восторженно пискнула:

— Цю, цю-цю!

— Так много! Животики будут круглыми!

При мысли о том, что теперь они смогут есть сколько захотят, птенцы почувствовали, что от счастья готовы взлететь.

Тао Цю, отряхнув руки, упёр одну руку в бок, а другой указал на сложенные горой плоды и громогласно объявил:

— Дети мои! Вот гора плодов, что ваш отец вырастил для вас! А ну-ка, провозгласите величие своего папочки! Хо-ха-ха-ха-ха...

К таким театральным выходкам отца птенцы уже привыкли и, находя их забавными, всегда с энтузиазмом подыгрывали.

Этот раз не стал исключением.

— Цю-цю! Цю-цю!

— Папочка великий! Папочка великий! — зачирикали они, подпрыгивая. Даже сдержанный старший птенец махал крылышками, добросовестно создавая атмосферу всеобщего ликования.

Тао Цю гордо вскинул подбородок, приняв позу императора, принимающего поклонение от своих подданных. Для полного образа не хватало лишь драконьего халата.

Представление закончилось только у пруда, куда он повёл их мыться. Императору пришлось лично купать своих «подданных», и весь его царственный ореол тут же испарился.

Осенью ночи становились холодными, и ветер пробирал до костей. Боясь, что птенцы заболеют, Тао Цю старался искупать их до захода солнца.

Когда их пух высох, уже стемнело.

Птенцы, уютно устроившись на руках у отца, смотрели на небо и по-детски щебетали.

Третий птенец:

— Цю, цю-цю, цю-цю.

— Стемнело, солнышко пошло ужинать. Мой животик тоже поёт песенку.

Второй птенец:

— Цю-цю? Цю-цю?

— А луна выходит после ужина? Что она ела на ужин?

Старший птенец:

— Цю-цю.

— Солнце и луна не едят.

Третий птенец склонил головку набок, её фиолетовые глазки-бусинки наполнились любопытством:

— Цю-цю? Цю-цю?

— Почему не едят? Они не голодные?

Старший кивнул:

— Цю-цю.

— Они не бывают голодными.

На мордочке третьего птенца отразилось понимание:

— Цю, цю-цю.

— Вот как. Братик, ты так много знаешь.

Старший ничего не ответил, но тут вмешался второй птенец:

— Цю-цю, цю-цю, цю-цю.

— Я тоже знаю! Солнце и луну нельзя есть, и камни тоже нельзя!

— Цю-цю, цю-цю.

— Сестрёнка тоже много знает, она тоже молодец, — третий птенец никогда никого не обделял похвалой.

Второй птенец радостно зачирикал. Она обожала, когда её хвалили.

Старший не обиделся. Он знал характер сестры и не возражал.

Тао Цю намеренно не вмешивался. Иногда у детей складываются свои собственные отношения,

и взрослым не стоит бездумно вмешиваться, иначе можно нарушить этот хрупкий баланс и спровоцировать ненужные конфликты.

Протрудившись целый день, птенцы и вечером ели с большим аппетитом. Боясь, что они переедят, Тао Цю подольше поиграл с ними, и только когда еда улеглась, рассказал сказку и уложил спать.

На следующий день вся семья проспала почти до полудня. Тао Цю, моргая, с трудом открыл глаза. Птенцы всё ещё мирно сопели.

Ночью было прохладно, и Тао Цю укрывал их своими крыльями, чтобы они не замёрзли. Они проспали всю ночь, не просыпаясь.

Он осторожно переложил всех троих в одно гнездо, чтобы они грели друг друга, и накрыл их пуховым одеяльцем, которое использовал ещё при высиживании яиц. Под защитой отцовского запаха птенцы спали так крепко, что даже не пошевелились.

Тао Цю нарезал мясо и фрукты — редьку, груши, томаты, ягоды — и приготовил большое ассорти, чтобы вознаградить себя и птенцов за многомесячный труд.

Он не успел их позвать, как они сами проснулись от ароматов мяса и фруктов. Их животики заурчали, вырывая их из объятий сна.

Второй птенец, ещё не открыв глаз, уже пускал слюнки.

— Цю-цю... цю...

— Вкусная еда... голодно...

Третий птенец, приоткрыв глаза и не обнаружив себя на руках у отца, испуганно проснулся. Но, увидев отца, хлопчущего у стола, она с облегчением вздохнула.

— Цю-цю...

— Папа. — Ей вдруг захотелось, чтобы папа её обнял, и она инстинктивно растопырила крылышки.

Тао Цю, услышав её, оставил свои дела, подошёл, взял её на руки и поцеловал.

— Проснулась? Хорошо спала?

Прижавшись к отцу, третий птенец почувствовал, как её бешено колотящееся сердечко успокаивается. Она радостно поделилась с ним своим сном:

— Цю-цю, цю-цю, цю-цю-цю.

— Спала крепко-крепко и видела во сне папу. Мы с тобой летали по небу.

— Ого, как здорово! Раз уж тебе приснилось, что ты летаешь, значит, наша Юаньюань скоро научится летать по-настоящему.

— Цю-цю?

— Правда? — с надеждой посмотрела она на него.

— Конечно, правда. Наша Юаньюань — умная птичка, и научиться летать для неё — пара пустяков.

— Цю-цю, — третий птенец радостно и смущённо зарылся в его объятия.

К этому времени проснулись и старший со вторым. Они весело поздоровались с отцом.

Тао Цю заметил у второго птенца на клюве подозрительное влажное пятнышко и, вытерев её, шутливо спросил:

— Похоже, Сюэсюэ во сне видела что-то вкусное. Расскажешь папе, что это было?

Второй птенец потёрся о его руку, с удовольствием делясь своим сном:

— Цю-цю, цю-цю, цю-цю-цю.

— Так много всего, не помню. Но всё было очень-очень вкусное. — И она сглотнула слюну.

Тао Цю рассмеялся.

Старший, не дожидаясь вопроса, сказал сам:

— Цю-цю, цю-цю-цю.

— Мне сегодня ничего не снилось, но я хочу задать папе вопрос.

— Какой?

— Цю-цю?

— Мы сегодня храпели?

При этих словах второй птенец тоже вспомнила, как в прошлый раз папа храпел во сне, и тоже зачирикала:

— Папа говорил, что когда очень-очень устаёшь, то храпишь. Мы вчера так устали. Мы храпели?

Третий птенец тоже с нетерпением уставилась на отца.

В глазах птенцов делать то же, что и папа, было большим достижением, словно это делало их ближе к нему.

Тао Цю понимал их чувства, но врать не собирался.

— Нет, — серьёзно ответил он. — Вы спали очень тихо, не храпели.

— Цю... — Птенцы заметно расстроились.

— Но... — Тао Цю нарочно сделал паузу, и когда все трое посмотрели на него, продолжил: — Но вы сделали то же, что и я. Вы, как и я, прспали до самого восхода солнца.

Глазки птенцов снова заблестели.

— А сейчас, — добавил Тао Цю, — мы сделаем ещё кое-что вместе. Видите на столе мясо и фрукты? Мы съедим всё до последней крошки!

При этих словах птенцы вспомнили, что давно голодны. Мысли о вкусной еде быстро вытеснили недавнее разочарование.

— Цю-цю! Цю-цю-цю!

— Кушать! Кушать с папой! — громче всех радовался второй птенец.

— Хорошо-хорошо, идёте, нас ждёт пир! — Тао Цю подхватил птенцов и направился к столу.

Голодные, да ещё и перед таким разнообразием, птенцы ели, не поднимая голов. Тао Цю и сам набил полный рот, ничем не отличаясь от своих детей.

Когда они наелись, Тао Цю вернулся к теме храпа.

— Мы ещё многое будем делать вместе. И если иногда что-то будет по-разному, ничего страшного. Я ведь тоже не всегда храплю, когда устаю. Сегодня вот не храпел. Так что не переживайте. Это не мешает нам быть самыми лучшими на свете.

Птенцы, которых он легко отвлек, уже и забыли о своём разочаровании.

— Цю-цю□

— Мы любим папу больше всех□

Им очень нравилось это звание — «самые лучшие на свете». Они нежно зачирикали, лапясь к отцу, и Тао Цю, не удержавшись, по очереди затискал каждого. Они щекотно хихикали, и их милый вид чуть не довёл Тао Цю до обморока. Ему пришлось несколько раз глубоко вздохнуть, чтобы прийти в себя.

Через несколько дней после сбора урожая температура резко упала на десять градусов, и даже пушистые птенцы стали иногда жаловаться на холод. Но они целыми днями бегали и играли, учились летать, так что холод им был не страшен.

Впрочем, это не мешало им при любом удобном случае забираться к отцу на руки и требовать, чтобы он крепко-крепко их обнял.

Старший птенец:

— Цю-цю.

— У папы на руках теплее всего.

Второй птенец:

— Цю-цю.

— Чтобы не замёрзнуть, нужно прижиматься к папе.

Третий пленец:

— Цю-цю.

— Папа — наше солнышко.

Они наперебой осыпали его комплиментами, и Тао Цю улыбался до ушей.

В тот день с утра шёл дождь. После обеда Тао Цю отправился на обход территории. Воздух был таким влажным, что изо рта шёл пар. Ему не нравилась такая сырость — перья от неё становились влажными и неприятными. Он решил сделать быстрый круг и вернуться.

Но на границе своих владений он встретил тех, кого никак не ожидал увидеть.

Это были люди, а не мутанты.

Когда Тао Цю пролетал над ними, мужчина, стоявший впереди, поднял голову. Это было знакомое лицо.

За несколько месяцев, что они не виделись, пурпурный оттенок в его зрачках стал ещё заметнее, почти полностью вытеснив изначальную черноту. Сейчас он смотрел на кружащую в небе Снежную птицу, и его глаза, словно подёрнутые дымкой из-за сегодняшней погоды, казались такими мягкими, что в них вот-вот распустятся цветы. По его взгляду было видно, как он рад.

Тао Цю вдруг подумал, что эта дождливая, туманная погода не так уж и плоха.

Он тихо крикнул, приветствуя мужчину.

Мужчина, словно поняв его, поднял руку и помахал в ответ.

Четверо его товарищей, стоявших позади, смотрели на эту сцену, как на диковинное представление, широко раскрыв глаза. Не бойся они разозлить Снежную птицу, из их глоток уже давно бы вырвалось дружное «Ничего себе!».

Лю Циань, единственный, кто раньше видел, как Снежная птица приносила Лоу Юю добычу, незаметно подмигнул остальным.

— Ну что, вы же говорили, я преувеличиваю? Теперь-то верите?

Трое:

— Верим, верим.

Хотя они и знали, что у их капитана хорошие отношения со Снежной птицей, и сами однажды были под её «эскортом» до базы, но, привыкнув сражаться с мутантами, они находили эту мирную сцену несколько сюрреалистичной.

Слишком нереально!

Тао Цю и Лоу Юй не заметили их переглядываний. Тао Цю подумал, что они просто случайно оказались здесь, и, поздоровавшись, уже собирался улететь.

Хоть у них с этим мужчиной и было трое детей, и сам он в прошлой жизни был человеком, но в этой жизни он — мутант, и их пути расходятся.

Судя по виду мужчины, у него всё хорошо, и Тао Цю был спокоен.

На этом их знакомство, вероятно, и закончится. Они принадлежат к разным видам, которые к тому же враждуют. А главное, мужчина не испытывает к нему никаких чувств.

Раз уж им не суждено быть вместе, зачем сближаться и причинять друг другу лишнюю боль?

Лоу Юй на самом деле специально сделал крюк, чтобы заехать на территорию Снежной птицы. Путь с задания до базы пролегал совсем в другой стороне. Но, выбравшись наконец за пределы базы, он почувствовал внутренний голос, который твердил ему: «Хотя бы загляни».

Он дал себе десять минут. Если Снежная птица не появится, он уедет. Всё-таки он в дикой местности, с товарищами, и не может позволить себе слишком многого.

К счастью, на восьмой минуте Снежная птица появилась.

Лоу Юй вдруг стал суеверным. Он почувствовал, что их со Снежной птицей связывает судьба.

Когда он был на волосок от смерти, она его спасла. Когда у них сломалась машина, она случайно пролетала мимо. И сейчас, когда он решил подождать совсем немного, она снова появилась.

Это как в сериалах — предначертанная судьбой встреча!

Пока Лоу Юй предавался этим мыслям, его лицо оставалось серьёзным и невозмутимым.

Он уже раз мечтался, как вдруг увидел, что Снежная птица, крикнув ему на прощание, разворачивается, чтобы улететь.

Лоу Юй встrepенулся и, поддавшись порыву, крикнул:

— Пойстойте!

Он крикнул так громко, что его услышала не только Снежная птица в небе, но и его товарищи, вздрогнувшие от неожиданности.

Снежная птица и команда одновременно посмотрели на Лоу Юя.

Только тут он понял, что у него нет никаких причин задерживать её.

Тао Цю, увидев, что мужчина хочет что-то сказать, но медлит, спланировал вниз и подошёл к нему.

— Цю? — он склонил свою большую голову.

Даже от такой красивой птицы исходила мощная аура, и Хо Лань с товарищами невольно отступили на шаг. Только Лоу Юй остался на месте.

Во-первых, он не боялся Снежной птицы. Во-вторых, его мозг лихорадочно искал причину, и ему было не до бегства.

Наконец, он придумал.

— Я хочу вам кое-что дать, подождите немного.

Сказав это, он повернулся и пошёл к машине. От волнения он чуть не пошёл вразнобой, но вовремя исправился, чтобы не опозориться перед Снежной птицей.

Лоу Юй скрылся в машине, а Хо Лань и остальные недоумённо переглянулись.

— Капитан говорил, что хочет что-то подарить Снежной птице?

— Нет, я не слышал. И не видел, чтобы он что-то готовил. Он же сам решил сюда заехать спонтанно.

— Может, он втихаря что-то приготовил, а мы не знаем?

— А может, и подарок — это тоже спонтанное решение?

Все замолчали.

В отсутствие Лоу Юя взгляд Тао Цю упал на его товарищей. Он помнил их — они, не зная, жив ли их друг, отважились залезть в его пещеру, чтобы спасти его. Очень преданные друзья.

Лю Циань, который как раз обменивался с товарищами выразительными взглядами, пытаясь понять, что происходит, вдруг почувствовал холодок на затылке. Повернувшись, он увидел, что Снежная птица пристально смотрит на них.

Он вспомнил недавнюю шутку товарищей о том, что он, как самый крупный, особенно нравится мутантам. Неужели и Снежная птица хочет его съесть?

Лю Циань инстинктивно прикрылся руками.

В ясных глазах Тао Цю отразилось недоумение. Неужели этот здоровяк его боится? Он же вёл себя очень дружелюбно и не выказывал никакой агрессии.

Лю Циань был на грани паники.

Ну почему, почему Снежная птица всё ещё смотрит на него? Он совсем не вкусный, правда!

Остальные трое тоже чувствовали себя не в своей тарелке. Хоть они и видели, что Снежная птица не настроена враждебно, но врождённый страх перед мутантами заставлял их инстинктивно напрягаться.

В этот момент их уважение к Лоу Юю выросло до небес.

Действительно, не каждому дано быть другом Снежной птицы. Они бы не смогли, как Лоу Юй, стоять перед ней без страха и даже улыбаться.

Когда его товарищи были уже готовы сорваться и схватиться за оружие, Лоу Юй наконец вышел из машины.

Он нёс рюкзак, туго набитый чем-то.

Под пристальными взглядами товарищей Лоу Юй протянул рюкзак Снежной птице и смущённо сказал:

— Спасибо за добычу, что вы мне тогда прислали. Здесь несколько человеческих безделушек,

надеюсь, вам понравится.

Боясь, что его неправильно поймут, он добавил:

— Это не ответный подарок за добычу. Такая ценная вещь стоит гораздо больше. За неё я подготовлю достойный подарок и передам вам позже.

Тао Цю посмотрел на рюкзак, потом на мужчину. Ему хотелось сказать, что добычу он прислал добровольно, в качестве компенсации за то, что принудил его, и что ответного подарка не нужно.

Но в присутствии посторонних он не мог говорить по-человечески, да и такая причина могла показаться мужчине оскорбительной, поэтому он промолчал.

Что до рюкзака...

Встретившись с полным надежды взглядом мужчины, Тао Цю вдруг вспомнил о младшей дочери, так сильно зависящей от него, и его сердце дрогнуло. Он решил принять подарок.

Джон и остальные, до этого молчавшие, были ошарашены.

Они думали, что, хоть Снежная птица и умна, но она всё-таки мутант. Разве она поймёт, что наговорил капитан?

И вообще, зачем Снежной птице человеческие вещи?

Капитан что, с ума сошёл?

В их головах пронеслась тысяча вопросов, но вслух они ничего не сказали.

Ладно, на капитана и так много всего навалилось. Хочет побыть сумасшедшим — пусть будет. Лишь бы ему было хорошо.

Пока товарищи размышляли, как помочь капитану справиться со стрессом, чтобы он окончательно не свихнулся, Снежная птица на их глазах сделала нечто неожиданное.

Он взял рюкзак.

Товарищи: «?»

Причём он не просто схватил его зубами, а аккуратно взял за лямку, словно знал, как его носить.

Товарищи: «!»»

Взяв рюкзак, Снежная птица, как и в прошлый раз, придвинул голову к Лоу Юю, выражая свою симпатию.

А Лоу Юй протянул руку и нежно погладил его по голове.

Товарищи дружно втянули воздух.

Им показалось, что в первую очередь нужно беспокоиться не о стрессе капитана, а о собственном выживании.

Человечество смогло выжить в окружении могущественных мутантов только благодаря своему уму — они строили стены, создавали оружие, компенсируя свою физическую слабость.

И даже так, если бы не внезапное отступление мутантов много лет назад, человечество было бы на грани вымирания.

А теперь им говорят, что мутанты не только превосходят людей физически, но и не уступают им в интеллекте.

Неужели, если мутанты снова пойдут войной, у человечества вообще останется шанс на выживание?

Настроение у всех резко испортилось.

— Цю... — Тао Цю очень тихонько потёрся о мужчину, отступил на два шага и взглядом показал, что на этот раз он действительно уходит.

Лоу Юю по-прежнему было жаль его отпускать, но на этот раз он сдержался и, улыбнувшись, помахал ему рукой:

— До свидания. — Надеюсь, мы ещё встретимся.

Снежная птица улетел, но Лоу Юй ещё долго смотрел ему вслед, и блеск в его глазах постепенно угасал.

Через две минуты он глубоко вздохнул, привёл мысли в порядок и повернулся к своим.

Он не успел сказать «Возвращаемся», как увидел их мрачные лица.

— Капитан... — Лю Циань выглядел так, словно вот-вот расплечется. — Как думаете, мы доживём до старости?

Лоу Юй: «?»

Десять минут спустя, по дороге на базу, Лоу Юй наконец понял, что так обеспокоило его товарищей.

Он не стал смеяться над ними или подтверждать их опасения.

— Мутанты эволюционируют и в плане интеллекта, — сказал он. — Иначе война за выживание не была бы такой тяжёлой. Они умны, но не настолько, как вы думаете. Даже Снежная птица — его интеллект лишь немного выше, чем у других мутантов. И он не враждебен к людям. Так что не стоит так переживать.

Говоря это, Лоу Юй чувствовал себя немного неловко.

Снежная птица могла принимать человеческий облик и говорить. Его происхождение было явно непростым, и об интеллекте и говорить нечего.

Но он не мог допустить, чтобы на базе обратили на неё внимание. Если его секрет раскроется, последствия могут быть непредсказуемыми.

Он скрывал это из эгоистичных побуждений — он не хотел, чтобы со Снежной птицей что-то случилось.

Но, как он и сказал, он никогда не проявлял враждебности к людям, и, возможно, это было связано с его тайной.

Лоу Юй, как человек, заботился о своём виде. Среди них были его друзья и родные, и с детства его учили защищать интересы человечества.

Если однажды Снежная птица нападёт на людей, он будет в первых рядах, чтобы дать ему отпор, даже ценой своей жизни.

Но он надеялся, что этого дня никогда не будет.

После слов Лоу Юя в машине воцарилась странная тишина.

Спустя какое-то время её нарушил Лю Циань.

— Капитан прав! — громко рассмеялся он. — Какими бы умными ни были эти твари, им до нас далеко! Нечего переживать. Наши предки выжили, а у нас сейчас и защита лучше, и оружие мощнее, да ещё и пробуждённые появились. Если дойдёт до драки, ещё неизвестно, кто кого.

То, что понял Лю Циань, дошло и до остальных.

Но их настроение не улучшилось. Они с улыбкой на лице озирались по сторонам, словно что-то искали.

Джон: Пропала ветрозащитная зажигалка.

Хо Лань: Исчезла маленькая аптечка.

Чэнь Линь: Они закончили задание раньше срока, и еды осталось много. Но теперь отсек для провизии был пуст.

Это было только то, что бросалось в глаза. Возможно, пропало что-то ещё.

Пересчитав потери, они переглянулись и уставились на Лоу Юя.

Лоу Юй почувствовал себя неуютно и, сухо кашлянув, сказал:

— Запишите всё на мой счёт, я вам возьму.

Хо Лань махнула рукой:

— Мы тоже ели добычу, что прислала Снежная птица. Считайте, это наш общий подарок. Но... капитан, вы же не отдали ей пистолет?

Лоу Юй промолчал.

Хо Лань выпучила глаза:

— Капитан, вы...

— Нет, — вдруг рассмеялся Лоу Юй. — Зачем Снежной птице пистолет, она же не умеет им пользоваться. Я просто пошутил, чтобы разрядить обстановку.

— Уф, напугали, — Лю Циань похлопал себя по груди. — Капитан, не шутите так больше, у меня сердце слабое.

Отдать еду и припасы — это одно. Но их со Снежной птицей положение было ясным. Хоть он и не умел пользоваться оружием, но сам факт передачи был бы слишком символичным.

С чужими, какой бы хорошей ни была дружба, нельзя переходить определённую черту.

Лоу Юй прекрасно это понимал, поэтому с самого начала даже не думал давать Снежной птице что-либо, что могло бы причинить вред.

Тема была исчерпана, и Чэнь Линь, чтобы сменить её, сказал:

— На этот раз исследовательский институт специально отправил вас, капитан, за соком этого растения. Наверное, это поможет в разработке сыворотки пробуждения.

Несколько месяцев назад Лоу Юй принёс из заброшенной подземной лаборатории важные данные, которые действительно продвинули исследования. Но недавно учёные снова зашли в тупик.

На это задание отправили несколько отрядов, и они искали не только этот сок. Просто его сбор был самым опасным, поэтому поручили ему.

Даже Лоу Юй не знал, что задумали учёные.

— Кто знает, — покачал он головой. — Как и появление самой сыворотки пробуждения было неожиданностью. Семья Шэнь утверждает, что это была случайность. Может, и нашим учёным повезёт, а может, и нет.

Пробуждённые обладали самой большой боевой мощью, и большинство обычных людей хотели бы стать ими, надеясь, что их будет как можно больше.

Но эгоизм некоторых мешал этому.

Семья Шэнь, разработав сыворотку, использовала её для укрепления своей власти. Позже, когда другие семьи получили технологию, они тоже предпочли скрыть её, не делаясь с низшими слоями и другими базами.

Перед лицом выгоды благородство и эгоизм сталкивались, и результат, как правило, был ничейным.

Они видели это, ещё будучи на Центральной базе.

Все погрузились в свои мысли, и в машине снова воцарилась тишина.

В отличие от мрачной атмосферы в машине Лоу Юя, Тао Цю возвращался в приподнятом настроении.

Он не знал, что мужчина положил в рюкзак, и это было похоже на распаковку киндер-сюрприза — волнующе и интригующе.

Подлетев к пещере, Тао Цю принял человеческий облик и с рюкзаком в руках вбежал внутрь.

— Малыши, посмотрите, что папа вам принёс!

Птенцы, которые как раз тренировались, порхая низко над землёй, услышав его, поспешили приземлиться. Вторая птенчишка не удержала равновесие и чуть не упала, но стоявшая рядом третья вовремя её подхватила.

— Цю!

— Спасибо, сестрёнка! — поблагодарила вторая, и в этот момент перед ними появился Тао Цю.

Птенцы с любопытством уставились на незнакомый предмет в его руках.

— Цю?

— Что это?

Тао Цю хихикнул. Знания о человеческой цивилизации, которые он потихоньку вкладывал в их головы, наконец-то пригодятся.

Он присел перед ними и с улыбкой спросил:

— Помните песенку, которую я вас учил? — И он запел: — Маленький-маленький ученик, за спиной его рюкзак возник, солнца он не боится...

— Цю-цю-цю-цю-цю — Птенцы хорошо знали эту песенку и с лёгкостью подхватили, допев до конца.

— Цю, — старший птенец первым догадался и взволнованно зачирикал: — Цю-цю!

— Я знаю, это рюкзак из песенки!

— Какой умница, не зря мой малыш, — Тао Цю погладил его по голове и показал рюкзак. — Рюкзак — это одна из разновидностей сумок. В нём ученики носят книги и тетради, но можно носить и другие вещи, как сейчас.

Когда Тао Цю учил их этой песенке, он рассказал им, что человеческие дети ходят в школу и что они там изучают. Птенцы тогда засыпали его вопросами, и в итоге запомнили почти всё, что касается рюкзаков.

Тао Цю положил рюкзак на землю, и птенцы окружили его.

Они родились и выросли в этой долине, видели только горы, воду и растения. Самым технологичным предметом в их жизни было бамбуковое ведёрко, сделанное Тао Цю.

Хоть они и слышали от отца много историй о мире людей, но никакие рассказы не могли сравниться с реальным предметом.

Для птенцов это был скачок из каменного века в новую эру.

Второй птенец клюнул рюкзак. Он был серо-чёрного цвета, из очень прочной и плотной ткани. Клюв издал глухой стук.

Старший птенец понюхал его и сказал:

— Цю-цю, цю-цю-цю.

— Незнакомый запах, не такой, как у нас или у змеи.

— Это запах человека, — сказал Тао Цю. — Запомните его. Если встретите, а меня не будет рядом, лучше держитесь от них подальше.

Тао Цю сам не ел людей и не хотел, чтобы их ели его дети. Он также не хотел, чтобы они причиняли друг другу вред. Поэтому, вне зависимости от того, кто сильнее, лучше им не встречаться, чтобы избежать неприятностей.

Птенцы вспомнили, что в прошлый раз отец просил их прятаться, когда пришла змея.

Третий птенец спросил:

— Цю-цю? Цю-цю?

— Люди страшные? Они едят маленьких птичек?

— Относитесь к ним так же, как к змее, — ответил Тао Цю. — Будем мы с ними драться или торговать, покажет будущее.

Второй птенец посмотрел на отца:

— Цю-цю?

— Этот рюкзак папа выменял у людей?

— М-м, можно и так сказать, — мужчина сказал, что это не ответный подарок за добычу, но Тао Цю решил, что можно считать это его частью. — В рюкзаке что-то есть. Давайте посмотрим вместе.

Тао Цю усадил птенцов на каменную скамью, чтобы им было лучше видно.

Расстегнув молнию, он первым делом увидел аптечку. Он вытащил её и открыл. Внутри были бинты, медицинский спирт и несколько упаковок ватных палочек. Всё было разложено по разным отсекам. Несколько отсеков были пусты — то ли в них ничего и не было, то ли их уже использовали.

В дикой местности нужны в основном средства для оказания первой помощи. Если мужчина их забрал, то, вероятно, боялся, что он не умеет ими пользоваться и может себе навредить.

Он, должно быть, не знал, что у него есть сильная способность к регенерации, иначе не стал бы дарить ему это.

Коротко объяснив птенцам назначение этих предметов, Тао Цю отложил аптечку в сторону.

Затем он вытащил тканевый мешок. Развязав его, он увидел, что он полон еды.

Тао Цю начал выкладывать содержимое.

Сначала — вяленое мясо в прозрачных пакетах. Каждый кусок был толщиной в два пальца и твёрдым на ощупь.

Тао Цю вскрыл один пакет. В нос ударил знакомый аромат. Только люди могли собрать столько специй для одного блюда.

Птенцы тоже почувствовали запах. Они впервые столкнулись с таким сильным ароматом, но он им не показался неприятным, а наоборот, вызвал слюноотделение.

— Цю-цю, цю-цю? — не выдержал второй птенец. — Такое ароматное мясо, можно попробовать?

— Можно, — ответил Тао Цю, уверенный, что мужчина не станет его травить.

Мясо было жёстким, но не настолько, чтобы его нельзя было разорвать. Тао Цю оторвал кусочек. Структура мяса была хорошо видна. Он не смог определить, что это за животное.

Он дал по кусочку каждому птенцу и один съел сам.

Вкус мгновенно перенёс его в прошлую жизнь.

Тогда в мире царил относительный мир, человечество стояло на вершине пищевой цепи. У него было много мелких проблем, но гораздо больше радостей.

В детстве рядом были дедушка и бабушка. После их смерти он лишился родственной любви, но по-прежнему ни в чём не нуждался. Учился хорошо, и будущее казалось светлым.

Если бы его ориентацию не раскрыли родителям, если бы в тот день они не ссорились и не дрались, если бы он не попытался их разнять и не был отброшен в сторону... может, всё сложилось бы иначе?

Человеческая жизнь иногда так хрупка. Он просто упал и ударился затылком об угол стола. Он даже не помнил, было ли больно.

А когда открыл глаза, мир был уже совсем другим.

Родители, которые его не любили, родили его, а потом косвенно убили.

Его рождение и смерть казались такими нелепыми и ненужными.

Тао Цю так глубоко погрузился в воспоминания, что забыл, где он и что с ним.

Его вернули к реальности голоса птенцов.

— Цю!

— Папа!

Он опустил голову. Птенцы смотрели на него с удивлением и тревогой.

Третий птенец спрыгнул со скамьи и, неуклюже перебирая крылышками, полетел к нему. Птенцы ещё плохо летали, и Тао Цю, боясь, что она упадёт, поспешил поймать её.

Она устроилась у него на ладони, но тревога в её глазах не утихала.

— Цю-цю?

— Папа, почему ты плачешь?

— А?.. — только тут Тао Цю понял, что его лицо мокрое. Он провёл рукой по щеке, и оставшиеся слёзы тут же намочили пальцы.

На мгновение он растерялся.

Он плакал. Плакал о себе из прошлой жизни.

Оказывается, боль прошлого не стёрлась со временем. Воспоминания были по-прежнему острыми и ранящими.

Просто раньше он их подавлял, а сейчас они вырвались наружу из-за куска вяленого мяса.

Птенцы не понимали его душевных мук. Они видели только, что папа плачет, и это точно не от радости. Его лицо было таким грустным.

Второй птенец, в своей детской непосредственности, решил, что папа плачет из-за мяса.

— Цю-цю-цю? Цю-цю-цю!

— Наверное, мясо невкусное, поэтому папа плачет? Тогда я тоже не буду его есть! — И она собралась выплюнуть оставшийся кусочек, но Тао Цю вовремя её остановил.

— Нет, мясо очень вкусное. Я просто вспомнил кое-что из прошлого и немного расстроился, поэтому и заплакал.

Сердце Тао Цю сжалось от нежности, и в то же время ему стало смешно. Его дети были такими искренними и так сильно его любили.

Взгляд старшего птенца стал серьезным:

— Цю-цю?

— Раньше плохие дяди обижали папу?

<http://bllate.org/book/15883/1587103>